

Сюрреализм под одеялом

Вольс в Музее городской скульптуры

выставка модернизм

Коммерсантъ 8 - 2005 - 2 марта - с. 21

В петербургском Музее городской скульптуры открылась выставка «Вольс. Фотографии, акварели, печатная графика», сделанная штутгартским Институтом связей с зарубежными странами (IFA) вместе с петербургским Гетте-институтом. С творчеством легендарного немецкого художника первой половины XX века, впервые представленным в России, знакомилась АННА ТОЛСТОВА.

Имя Вольса, и при жизни-то не особо известное, после смерти 38-летнего художника в 1951 году вовсе забыли. Но ненадолго. Как только сюрреализм, во втором эшелоне которого тащился, разбегаясь между Парижем и Барселоной, Вольс, окончательно заглож, как только отстрелялись, отбрызгались краской ташизм и информель — вся та лирическая абстракция, предшественником которой почитают теперь Вольса, на сцену вышел Флюксус. Всех вдруг потянуло на хулиганства, хеппинги и прочее бурное жизнетворчество — и тут опять всплыло его имя.

Имени, собственно, и не было — был псевдоним человека без определенных занятий, образования и места жительства, Вольфганга Шульце по паспорту. Немного поучившегося в «Баухаусе», с благословения Мохой-Надя подавшего в Париж, задружившегося с сюрреалистами, подвизавшегося фотографом на всемирной выставке 1937-го, тиснувшего даже две дюжины снимков в гламурных журналах. Паспорта, впрочем, тоже не было, отчего было много проблем с фашистскими и антифашистскими властями: из Германии сбежал, из Испании выслали, во Франции интернировали. Не жизнь, а произведение искусства: тюрьмы, лагеря, бродяжничество, алкоголизм, наркологические лечебницы — словом, все то, что должно работать на образ свободного творца в XX веке.

В сущности, творчество Вольса — это все, что от него осталось достоверного, остальное же из области мифов и легенд. Крохотные акварельки — рисовал он обычно, лежа в постели, так что размер рисуночка определяется возможностью движения руки в радиусе кисти (сохранилась такая фотография Вольса — только голова, руки и планшет торчат из-под одеяла). Гравюры сухой иглой — гравировать начал, видимо,

Узнаваемость изображения — редкий случай для художника Вольса

ФОТО СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

после войны, когда получил несколько заказов на иллюстрации к Жан-Полю Сартру, Антонену Арто, Францу Кафке и другим, столь близким ему по духу гениям отчаяния. Такие же маленькие по размерам фотографии — судя по всему, 1930-х годов. Все это без названий и дат, с одной лишь подписью «Wols», потому что делалось явно для себя. Но всему этому за художника придумали названия — для удобства коллекционеров и искусствоведов. Так что фланирование по выставке от одной работы к другой превращается в разгадывание этих визуальных ребусов: вижу — не вижу.

«Женщина с прической в виде рыбы, охотящейся на краба» — вижу. Эротическое сновидение, паутинка из нежнейших пятен акварели и тончайших, тушью выведенных линий — нечто лирическое в духе Пауля Клее. «Город», «Корабль», «Череп» — тоже вижу. Станные, завораживающие агломерации каких-то щепочек, точек, контурных линий — нечто трагическое в духе Ива Танги. А вот «Фрукт с жуком» — хоть убейте, не вижу. Вообще, больше всего для этих абстрактных почеркушек, за которыми навязчивая нервная моторика, маниакальные чирканья пером по бумаге, гравировальной иглой по доске, род не то алкогольного помешательства, не то магического ритуала, радующий искусствоведов (дескать, вот оно — искусство жеста, как у Джексона Поллока), подходят абстрактные названия: «Перфорация», «Нечеткая диагональ», «Внизу слева гусеница». Гусеницы, амебы, инфузории, усонogie, образы биологические и ископаемые —

это то, что все без исключения видят у Вольса. Что-то подобное — и на фотографиях: натюрморты с освежаванными тушками, вырванные из земли корни, какая-то жижа, первобытная слизь, как бы мертвые стены с ободранными афишами, обрывки которых складываются в случайные стихи (говорят, так Вольс и придумал себе псевдоним — из кусочков своего имени и фамилии на порванной телеграмме). Мир разлагающийся, подземный, с рождения обреченный на смерть и потому уже не страшный, а скорее ироничный — так что даже кладбищенские снимки, в сущности, забавны: над крестами и плакальщицами с надгробий парит видная из-за ограды здоровенная статуя бодрячка-поваренка — реклама какого-то супа.

Фигуры вроде Вольса нужны немецкому искусству как воздух. И не только для реабилитации, потому что его так удобно объявить жертвой режима. Скорее по искусствоведческим соображениям: хотя сделать из него европейского Джексона Поллока явно не удастся, но в предшественники Йозефа Бойса он отлично годится. Потому и возит штутгартский IFA эту маленькую, порядка восьмидесяти работ, но в масштабах Вольсова микромира просто гигантскую ретроспективу по всей Европе вот уже второй десяток лет. Наверное, в отношении художника вообще это благородно: восстановление исторической справедливости. Но в отношении Вольса — это все равно, что вытаскивать куколку из кокона или, забравшись к человеку в спальню, стащить с него, голенького и тепленького, одеяло.